

ИДЕИ И ЛЮДИ

Наталья Крымова

Театр и политика

УМЕНИА не выходит из головы одна фраза. Со всех сторон слышишь: «надо выработать механизм...», «у нас не выработан механизм...» Это словесное клише, но причины его возникновения понятны — распалась социальная система. Преемственность, новая не создана. Вокруг сплошные «невыработанные механизмы». Но то, что произошло с твоим театром, представляется как раз действием давно выработанного механизма. И вот — театр нет. Слава Богу — ты жив, тебя не раздавило. Будем считать, что все случилось уже история. Но история чего — культуры? театра? национального возрождения?

Давай попробуем взглянуть на то, что произошло, по возможности холодно, с некоторой дистанции. Что же в конце концов произошло? Уничтожен очаг театральной культуры. Почему? Вернее — зачем? Кому он оказался негоден? Перед какой силой множество талантливых людей оказалось бессильно?

— Ты задала множество болезненных вопросов. Начнем с того, что одна из главных задач этой механики — скрыть себя. Тут что-то от уголовщины — не оставлять следов. Известно, что разговоры в тиши кабинетов не стенографируются. Как раньше, так и сейчас, они боялись что-либо зафиксировать. Ибо по малейшей оплошности — они знают это! — восстанавливается картина преступления. Но что-то все равно остается. Хотя бы то, с чем ты познакомишься...

— Эти интервью, кассеты, статьи о многом говорят. Хотя официальная бумага только одна — приказ о «реорганизации» театра. Я помню, когда Эфрос ставил «Отелло», он поворачивал, что есть механика уничтожения добра. Откуда люди, которые закрывали ваш театр, научились этой механике? Они что, унаследовали ее? В крови она у них сидит?

— По-моему, этот механизм стар, как наш век. Трудно изобрести новый способ закрытия театра.

— Ты хочешь сказать, что закрывают старым?

— Именно так. Без особого риска ошибиться попробую перечислить давно отработанные аргументы: нерентабельность театра; режиссер — диктатор; аварийное состояние здания; спектакли не отвечают запросам народа; режиссер губит народные таланты; использование государственного театра в собственных целях; реорганизация во имя улучшения работы: снятие двух театров в один с целью... и т.п. Таким образом были уничтожены театр Мейерхольда, Камерный, МХАТ-П, театры Михоэлса, Завадского, Эфроса. В нашем случае провалились почти все эти способы — остановились на «реорганизации».

— Прости за примитивные вопросы, но что-то не укладывается в сознание. Получается, что сюжеты прежнего времени повторяются уже в новой, независимой стране. Чтобы уничтожить театр, состоящий из двух групп, латвийской и русской, нужно было прибегать к способам, выработанным при тоталитаризме!

— У любого явления есть истоки. Любому актуальному конфликту — нравственному, социальному — есть аналог в истории. В Латвии, как ты знаешь, работала гениальная Михаил Чехов, бежавший из советской России. Но он вынужден был покинуть и Латвию. В своих воспоминаниях Чехов говорит об этом кратко, но вполне определенно: «Воцарился Ульманис, и началась жестокая травля иностранцев». Выходили газеты, в которых писали: «Этот господин должен за 24 часа убраться из Риги». Убраться! Брехт и Вайгель — из Германии, Крейча из Чехословакии, Юрасас из Литвы, Курбас с Украины... Годы разные, страны разные, а суть общая.

— В каком-то смысле — междоусобица механизмы?

— Проблема-то одна: официальная идеология и искусство.

— Часто приезжая в Ригу и видя твои спектакли, я ощущала достаточно воспаленную атмосферу вокруг них. Публика явно любит театр, принимает спектакли живо, заинтересованно, а так называемые чиновники — настороженно. Театр как-то отбивается от нападения и идет своим путем. Я правильно отражаю атмосферу?

— Да, все правильно.

— Чувствовал ли ты себя в Риге чужаком?

— С властями — да, с актерами — нет.

— Так с чем же ты в итоге столкнулся — с прежней механикой или с новой?

— Не только я, и не только в Латвии люди столкнулись с тем, что старые механизмы ловко приспособились к новым ре-

жисмам и лихо приспосабливают их под себя. Одним из главных организаторов ликвидации нашего театра была Нелли Янаус — в прошлом зав. отделом ЦК компартии Латвии. В независимой стране она заняла пост заместителя министра культуры. Так вот, эта госпожа Янаус уже при Горбачеве заперчала журнал «Даугава» печатать «Реквием» Анны Ахматовой. Нужны ли тут комментарии?

— Попробуем еще раз свести все к самому простому: Молодежный театр в Риге был очагом культуры, спорить с этим ни у кого не найдется аргументов. Но — какой культуры? Это вопрос интереснейший. Тут мы неизбежно касаемся уникальности твоего театра как художественного организма. Слово «уникальность» я произношу не ради похвалы, а просто стараюсь зафиксировать факт: две труппы — две национальные культуры. Но и латвийские, и русские спектакли учили людей быть людьми — в самом высоком смысле слова. Без предрассудков, без узости взглядов, с той широтой, которая свойственна Чехову, Райнису, Шекспиру. Ты ставил Чехова и Островского с латышскими (и они замечательно иг-

рали), а в «Центрифуге» Гунара Приеде естественно звучала латвийская, русская, немецкая речь. Зачем все это понадобилось уничтожить?

— Ты меня об этом спрашиваешь?

— Я напоминаю о том, что было уничтожено. Ладно, продолжим, по возможности, без эмоций. Как и у всех, у тебя были победы и провалы, и все же твоя судьба была особенной и в своем роде замечательной. Это свершившийся факт, данность, которую нельзя отнять — так было. Как такое могло случиться при советском режиме — такой театр и такая судьба?

— Насчет судьбы не мне судить, а насчет театра... попробуем разобраться. Когда советская власть создавала такой театр, какова была ее задача? Доказать, что коммунистическая идеология выше национальных различий. Что же своими спектаклями доказывал театр? То, что для людей всех национальностей культура и человечность выше идеологии. Модель, которую ему предложили, театр наполнял другим содержанием. Он утверждал превосходство вечных ценностей над преходящими. Художники разных национальностей, которые за эти годы у нас играли и ставили — латыши, русские, евреи, эстонцы, болгары, грузины, — легко на этом объединялись. Легко и радостно.

— То, что ты сейчас говоришь, ты думал на протяжении всех тридцати лет? Или понял только теперь?

— Может быть, только теперь. Уничтожение театра — особый опыт.

— Я спрашиваю потому, что ты сейчас дал очень четкую формулу.

— Во всяком случае, я именно это чувствовал и именно это делал. С детства во мне было заложено нормальное отношение ко всем людям. И оно не изменилось. Работая с венесуэльскими или никарагуанскими актерами, я тоже не чувствовал себя чужим. Зная, в самом сочетании моего имени и фамилии есть нечто, вызывающее удивление, а у некоторых и раздражение. Как-то нестыковка. Когда я начинал работать, один советский мне поменял имя, другие — фамилию, третьи рекомендовали вступить в партию, сменить национальность. Ничего этого я не сделал. Потому, видимо, что во мне жило какое-то подспудное желание доказать право человека оставаться самим собой. И еще требование к окружающим — считаться со мной таким, каков я есть. Сейчас мне кажется, я искал такой способ существования в миру, который давал бы мне необходимый минимум душевного покоя.

— Я воспитывался в традициях русской культуры. Прислушайся: если это словосочетание — «русская культура» — произносишь органично, без умышленного нажима, то едва заметное удареение падает на второе слово. И латвийскую культуру я принял просто и естественно. Мне не надо было подлаживаться, что в себе ломать. Или, не дай Бог, требовать этой ломки от других.

— А это не было сознательной тактикой, чтобы обеспечить бесконфликтное существование двух трупп?

— Слово «тактика» я терпеть не могу с тех пор, как услышал фразу — «тактика и стратегия

революции». Слово не виновато, но с юности мне в нем слышится какой-то обман, двуличие. Если бы в моем поведении была «тактика», люди бы сразу это почувствовали. Особенно актеры — ведь они бываю на редкость чутки. Нет, я просто приехал в Латвию — принял ее природу, язык, быт, литературу, людей...

— У тебя на протяжении десятилетий никогда не было конфликтов — ну, двух, трех, — которые ты мог бы назвать «конфликтами на национальной почве»?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

— Хорошо. Но вот возникли новые условия жизни. Во всяком случае, прежние резко изменились. Как ты реагировал на эту новизну? Как она коснулась театр?

— Если что-то такое и возникало, я воспринимал это, как... как то, что человек болен гриппом. Ну, что поделаешь, — ну болен, ну выздоравливает. А вообще, я себя всячески оберегал от этого — искал корень разности в чем-то другом. Ведь в отношениях между режиссером и актером множество сложнейших проблем. Если не искать их чисто профессиональную сущность, ты, как режиссер, перестанешь развиваться.

лешее человеческое естество. Ведь когда уничтожается культура, естественна реакция: «стоп, так нельзя!» Почему же все, желавшие остановить эту машину, не смогли воздействовать на ситуацию? Это проблема общественного мнения, его наличия или его отсутствия. Оно как-то проявило себя в тот момент?

— Общественное мнение? Бойсь обобщений. Одни испугались, другие устали, махнули рукой. Кто-то строил дачу. Кто-то решил, что как-нибудь переделается. Многие не верили: «Не может быть!» Этого просто не может быть! Ох уж это вечное наше «не может быть»... Пора понять, что в с е может быть. В С Е! Тем более сейчас, когда повсюду старый аппарат обживает новое пространство...

— Но министром культуры был тогда Раймонд Паулс, ведь это он прикрывал твой театр. А он, как я понимаю, до этого не был функционером. Что же тут сработало — какие-то его личные свойства? Давление аппарата? Сила национальной идеи?

— Честно говоря, небольшое удовольствие в этом разбираться. Но тема интересная. Как явление времени. Действительно, он раньше не проявлял

сидеть, да народ зовет...

— Но откуда возникла агрессивность? И такая путаница между добром и злом?